

Предисловие ко второму изданию

Первое издание этой книги появилось более двадцати лет назад, и, естественно, многое в ней устарело. Другим стал язык этнографического (точнее, антропологического) исследования, многие сюжеты утратили ощущение новизны и стали вполне очевидными. За это время семиотика пережила свои лучшие годы. В антропологических исследованиях культуры ориентация на реконструкцию сменилась ориентацией на описание их современного состояния. Соответственно, изменились взгляды на источники, способы их описания и интерпретации. Ко всем этим изменениям у меня разное отношение. И все же, если бы я сейчас писал книгу о символике дома, это была бы совсем другая книга. Поэтому я не стал переделывать прежний текст. Напротив, постарался сохранить его в неприкосновенности. Комментарии к нему минимальны и появляются только в тех случаях, когда они, с моей точки зрения, действительно необходимы. Таких случаев всего два, и оба раза речь идет о неточностях в прежнем тексте.

Я считал возможным новое издание этой книги потому, что, судя по сноскам, цитатам и читательским запросам, она остается в числе востребованных.

Пользуюсь возможностью поблагодарить тех, кто способствовал первому появлению этой книги в начале восьмидесятых годов. В действительности она была написана еще раньше, в середине семидесятых, но никак не соответствовала духу Института этнографии тех лет. Помогли два человека: Кирилл Васильевич Чистов и Никита Ильич Толстой. К. В. Чистов защищал книгу в ленинградском отделении Института, а мнение Н. И. Толстого оказало решающее воздействие на этнографическое начальство при обсуждении книги в Москве. Низкий им поклон.

Альберт Байбурин
С.-Петербург, январь 2005 г.

Предварительные замечания

Настоящая работа посвящена изучению жилища и связанных с ним обрядов в несколько непривычном аспекте.

Жилище обычно изучается в рамках материальной культуры. По отношению к элементам материальной культуры в этнографии сложились определенные принципы исследования, как правило, не распространяющиеся на экстраутилитарную, «духовную» сторону этих явлений. Между тем получить целостное представление о функционировании объективированных элементов культуры невозможно без изучения их места в картине мира, без учета того содержания, которое приписывалось им в разные времена и у разных народов.

Как мы постараемся показать, жилище — это не только материальный объект. В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием «дом» в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился человек дома или вне его пределов. Жилище имело особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилище — квинт-эссенция освоенного человеком мира. Все эти аспекты требуют внимательного изучения.

В данной работе основное внимание будет уделено двум вопросам. Во-первых, мы попытаемся выявить принципы функционирования механизма освоения человеком окружающей среды. Каким образом происходило преобразование «природного» в «культурное», «неосвоенного» в «освоенное»? При чем нас будут интересовать традиционные модели «доместикации» пространства. Естественно, что в этом слу-

чае главным объектом исследования будет обряд, поскольку в традиционной культуре именно обряды являлись основным средством передачи культурных образцов, социального опыта во времени. В интересующей нас проблеме освоения в роли основных средств передачи традиционных схем освоения мира выступали обряды, сопровождавшие строительство жилища и его обживание. Это не означает, что «строительные традиции» передавались исключительно с помощью обрядов. Механизм традиции обязан своей «помехоустойчивостью» во времени тому, что одна и та же информация передавалась сразу по нескольким каналам. Поэтому существенное значение для нас имеют также данные языка, фольклора, мифологии, изобразительного искусства. Проблеме освоения посвящена первая часть книги.

Во-вторых, нам предстоит выяснить особенности символической организации внутреннего пространства традиционного восточнославянского жилища, знаковую роль отдельных его частей. Особое внимание будет уделено описанию семантики жилого пространства, его ценностной акцентировки, причем семиотические характеристики жилища выявляются в контексте традиционного ритуального «сценария» жизни человека, его поведения в освоенном пространстве. Этому посвящена вторая часть работы.

Таким образом, обе задачи оказываются неразрывно связанными между собой как логически, так и структурно и подчинены единой цели: рассмотрению жилища как феномена культуры.

Такой подход обязывает автора к ряду предварительных замечаний.

1. Из постановки задачи ясно, что нас будет интересовать в первую очередь образ жилища в традиционной картине мира восточных славян, каким он нашел свое выражение в обрядах, поверьях, фольклорных, мифологических и других текстах, зарегистрированных преимущественно во второй половине XIX — начале XX в. Прогресс в таких областях этнографии, как этнопсихология и теория культурной традиции, предполагает усиленное внимание к выяснению корней коллективных представлений, моделей и образов,

способам их сохранения, преобразования и трансляции во времени. С этой точки зрения особую актуальность приобретают вопросы, связанные с реконструкцией традиционной картины мира или отдельных ее фрагментов. Объясняется это тем, что картина мира, вырабатываемая человеком в процессе взаимодействия с окружающей средой, является одновременно функцией самоосознания, определением своего места и роли в этом мире. Картина мира необходима для выработки адекватной стратегии поведения и ориентации в окружающих процессах и явлениях. Будучи своего рода «программой поведения», картина мира реализуется как в самом поведении человека, так и во всевозможных результатах этого поведения¹. Поэтому конкретные мифы, ритуалы, как и другие тексты (в семиотическом смысле этого термина), и в частности жилище, являются не чем иным, как различными реализациями одной и той же картины мира. Из такого соотношения между картиной мира и конкретными текстами следует (кроме всего прочего), что все объективированные формы культуры, будь то фольклорные тексты, памятники материальной культуры или социальные институты, имеют общее поле значений, реализуют общую смысловую парадигму, которой руководствуются в своей жизни члены данного коллектива. А это в свою очередь означает, что выявление содержания того или иного текста предполагает реконструкцию соответствующих уровней или фрагментов картины мира.

Исследования в этой области, проведенные на разном материале и касающиеся различных (как во времени, так и в пространстве) культур, позволили обнаружить ряд категорий, которые являются универсальными для любой картины мира². Речь идет в первую очередь о таких понятиях, как пространство и время и тому подобных глубинных категориях сознания. По словам А. Я. Гуревича, «названные категории образуют основной семантический "инвентарь" культуры. Обязательность этих категорий для всех членов общества нужно понимать, разумеется, не в том смысле, что общество сознательно навязывает их людям, предписывая им воспринимать мир и мыслить именно таким образом: речь идет о неосознанном навязывании обществом и столь же неосознан-

ном восприятии, «впитывании» этих категорий и представлений членами общества»³.

В своих попытках реконструкции картины мира, и особенно народной картины мира, исследователь имеет дело не со специальными текстами, сознательно описывающими данную картину мира, а с теми, в которых она нашла свое воплощение, причем чаще всего бессознательное воплощение. Задача состоит в том, чтобы проделать обратный путь, т. е. на основе анализа текстов выявить ту модель, реализацией которой они являются. Причем, естественно, любая такая реконструкция ведется с позиций иной культуры, в другой системе терминов и понятий, что неизбежно сказывается на результатах. Нет такой работы в области воссоздания прошлого (и особенно плана содержания иных культур), по отношению к которой нельзя было бы предъявить претензий о «навязывании» исследователем своих представлений. Однако «возмущающая» роль исследователя (повторяю, неизбежная в силу объективных причин) заранее должна учитываться и даже «планироваться» самим исследователем. Кроме того, реконструкцию содержательных моментов культуры не следует понимать как слепок, как буквальное воспроизведение. Речь идет об идеальных образах и структурах, конкретизация которых возможна лишь при условии дальнейших, более детальных разысканий в этом направлении.

2. Роль картины мира в жизни человека и коллектива определила особое отношение к ее сохранности. По-видимому, основным смыслом традиции как раз и является передача картины мира. Учитывая результаты, полученные, например, при изучении фольклорной традиции (работы А. Лорда, М. Пэрри и др.), можно предполагать, что эта передача осуществляется не столько с помощью текстов, сколько посредством образцов, моделей, на основе которых любой текст может быть воспроизведен заново. Стремление к единообразию и преемственности вырабатываемых культурой моделей нашло свое выражение в целом комплексе средств, обеспечивающих максимальную устойчивость этих моделей. К их числу относятся, например, такие приемы, как дублирование, мультиплицирование одного и того же сообщения на разных

уровнях в пределах одного текста или в нескольких субстанционально различных текстах. С помощью подобных приемов достигается известная синонимичность семиотических систем, что обеспечивает возможность перевода между ними, суммирования рассеянной по различным системам информации. Исследования в этой области позволили выявить и другие, менее очевидные способы придания устойчивости культурным образцам⁴.

Какими бы действенными ни были средства сохранения информации, они сами по себе еще не гарантировали сохранность. Для проверки «истинности» передаваемых во времени сообщений существовали особые формы контроля «над аутентичностью используемого кода (или кодов) и правилами семантической экспликации некоторых сообщений, признаваемых ключевыми»⁵. Наиболее мощным средством контроля был обряд. Для того чтобы правильно оценивать роль обряда в механизме традиции, необходимо учитывать одну специфическую особенность мироощущения *homo traditionalis*. В этой системе видения реальным признается лишь то, с чем может быть сопоставлен прецедент. Все то, что не соотносимо с моделями, хранящимися в коллективной памяти, что выходит за рамки стереотипизированного опыта, объявляется несуществующим. По сути дела, картина мира подобного типа может быть представлена как сумма прецедентов. Наиболее существенные для жизни коллектива прецеденты, определяющие соответственно ключевые ситуации, воспроизводились в обряде. Тем самым обряд каждый раз как бы накладывался на конкретную ситуацию, соотнося ее с исходным сакральным прецедентом и одновременно придавая ей статус истинного события. Суть ритуала — в проверке соответствия между сакральным образцом и эмпирическим фактом. Установлению такого соответствия придавалось чрезвычайное значение. Для особо значимых ситуаций требовалось периодическое «подтверждение» соответствия. Это относилось в первую очередь к событиям календарного и жизненного циклов, к «порядку» космоса и «порядку» жизни человека. Ритуал строительства на первый взгляд должен быть отнесен к числу «периферийных» обрядов, подтверждающих

частное соответствие. Однако есть основания рассматривать его в числе ключевых обрядов, что обусловлено исключительно важной ролью жилища в системе восприятия мира.

3. Всякая модель культуры содержит в себе разделение явлений окружающей человека действительности «на мир фактов и мир знаков»⁶. Естественно, это разделение не абсолютно, так как всегда существуют объекты, занимающие промежуточное положение. Давно замечено, что к их числу относятся все те искусственно созданные человеком предметы, которые в современной этнографической классификации составляют область материальной культуры. «Двойная природа» вещей — хорошо известная особенность оперирования вещами в человеческом обществе. Речь идет о том, что любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ, причем вторая, символическая ипостась может пониматься различным образом. В культуре традиционного типа «о каждом предмете, помимо ограниченных сведений, касающихся его физической природы, существовало еще и иное знание: знание его символического смысла»⁷. Восстановление этого смысла (частично утерянного, частично дошедшего до нас в трансформированном виде) — одна из основных задач историка культуры. Кроме того, символический характер вещей может пониматься и как объективное свойство вещей, дающее возможность использовать их в качестве исторического источника. Ю. М. Лотман в связи с этим пишет: «Следует напомнить, что памятники материальной культуры, орудия производства в создающем и использующем их обществе играют двоякую роль: с одной стороны, они служат практическим целям, с другой, — концентрируя в себе опыт предшествующей трудовой деятельности, выступают как средство хранения и передачи информации. Для современника, имеющего возможность получить эту информацию по многочисленным более прямым каналам, в качестве основной выступает первая функция. Но для потомка, например археолога или историка, она полностью вытесняется второй. При этом, поскольку культура представляет собой структуру, исследователь может извлечь из орудий труда не только

информацию о процессе производства, но и сведения о структуре семьи и иных форм организации коллектива»⁸. П. Г. Богатырев, исследуя функциональные характеристики традиционного костюма Моравской Словакии, пришел к заключению, что в принципе любая вещь обладает не одной функцией, а целым набором, пучком функций, среди которых есть и практические, и символические. «Возьмем, например, деревенские постройки, — писал П. Г. Богатырев в заключение своего исследования. — Наряду с практическими функциями, которыми обладает деревенский дом и его детали, мы обнаружим здесь и ряд других функций — эстетическую, магическую, функцию региональной и сословной принадлежности и другие. Крестьянский дом является не только вещью, но и знаком. В некоторых областях уже издали, только на основании внешнего вида дома, мы можем определить национальность его владельца, его экономическое и социальное положение и т. д.»⁹. Универсальные свойства вещей определяются их практическим назначением. По отношению, например, к одежде таким универсальным свойством будет ее защитная функция. Элементы одежды, обусловленные этой функцией, являются общими для одежды вообще как для определенного класса явлений культуры. Они не несут какую-то специфическую информацию, которая может заинтересовать этнографа. Такая информация закодирована как раз в тех элементах, которые являются «избыточными» с точки зрения утилитарной прагматики, условными, а не безусловными¹⁰.

Итак, любая искусственно созданная вещь обладает утилитарными и символическими свойствами («вещностью» и «знаковостью»), т. е. потенциально может быть использована и как вещь, и как знак. С этой точки зрения история вещей может быть представлена и как движение по шкале семиотичности. Другими словами, в каждый отдельно взятый момент своего существования вещь обладает тем или иным семиотическим статусом, который определяется конкретным соотношением «знаковости» и «вещности». При этом семиотический статус прямо пропорционален «знаковости» и обратно пропорционален «вещности».

Изменение семиотичности вещей на современном этапе прослеживается легче, чем в древности, благодаря большей гибкости информационной структуры общества. Инновация, первоначально возникшая в силу практических потребностей, впоследствии может легко приобрести знаковый характер (под воздействием, например, механизма моды) именно благодаря заложенной в ней потенциальной способности быть знаком. Столь же быстро может произойти снижение семиотического статуса предмета, превращение его в «вещь»¹¹. Это очевидно — ср., например, семиотическую судьбу таких вещей, как автомобиль, транзисторный приемник, телевизор и т. п.

Резкое изменение семиотичности может носить и ситуативный характер. В частности, известно, что включение утилитарных предметов, например, в контекст ритуала совершенно меняет их семиотические характеристики. Таково, например, использование сковороды при клятвах; кнута, хомута и других предметов в свадебном обряде. Число примеров «идеологизации» вещей легко умножить. Столь же распространены противоположные случаи утилитаризации знаков, т. е. использование их физических, а не знаковых свойств. Когда же мы имеем дело с явлениями, история которых исчисляется тысячелетиями, то почему-то упускаем из виду, что их семиотический статус в разное время и у разных народов мог существенно отличаться от современного. Относя жилище к сфере материальной культуры, мы тем самым приписываем ему постоянный низкий семиотический статус, так как само по себе разделение объективированных явлений на элементы материальной или духовной культуры можно рассматривать как оценку их семиотичности. Нет необходимости доказывать, что эта оценка, отражающая наш опыт оперирования вещами, наблюдений над их функционированием, может существенно отличаться от прежних, других, причем не только в диахронии, но и в синхронии, в культурном и этническом пространстве¹².

В частности, по отношению к жилищу есть основания утверждать, что на ранних этапах его семиотический статус был существенно выше. Если учесть результаты тех немногочисленных исследований, которые позволяют делать выво-

ды не только о «материальной», но и «духовной» стороне жилища в архаическом обществе, и обобщить имеющийся в нашем распоряжении материал, то в самом общем виде можно получить приблизительно следующую картину.

С появлением жилища мир приобрел те черты пространственной организации, которые на бытовом уровне остаются актуальными и в наше время. Прежде всего, появилась универсальная точка отсчета в пространстве, причем важно подчеркнуть, что пространство вне дома стало оцениваться как упорядоченное (по другим правилам) именно благодаря существованию дома. Иными словами, дом придал миру пространственный смысл, укрепив тем самым свой статус наиболее организованной его части.

Дом отделил человека от космоса, вырос между ними и в связи с этим приобрел характерные черты медиационного комплекса. «С одной стороны, дом принадлежит человеку, олицетворяя вещный мир человека. С другой стороны, дом связывает человека с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека»¹³. В нем сосуществуют человек и вселенная. Именно поэтому столь обычны перекодировки между частями человеческого тела, элементами космоса и деталями дома. Следуя логике этой схемы, дом может быть «развернут» в мир и «свернут» в человека, если при этом не будут нарушены правила соответствий. Показательно, что в архаических текстах космологического содержания создание дома относится к последним этапам творения мира, его оплотнения, придания ему устойчивой структуры¹⁴.

Столь высокой моделирующей способностью могут обладать только те объекты, которым приписаны сущностные свойства мира, и прежде всего способность обозначать его центр, каковой были наделены, например, город, храм, алтарь. В этот же ряд можно включить и дом. Причем если в храме сознательно воплощался образ вселенной, то в жилище мир повторялся скорее всего неосознанно. «Удвоению» еще большую ценность придает структура мира и в том смысле, что центр, периферию и т. д. С другой

растающее число археологических и этнографических данных позволяет говорить о структурном подобии жилища и поселения, особенно в связи с круглой формой последних, с центром, в котором мог поддерживаться ритуальный огонь и «который, вероятно, использовался для совершения ритуалов общего характера и сходок взрослого мужского населения»¹⁵.

Судя по фольклорным источникам, дом оказал существенное влияние на формирование оппозиции внутренний — внешний. «Поскольку дом образует самостоятельное замкнутое пространство (объем) в пространстве, он начинает восприниматься сам как внутренность пространства. На лексическом уровне это отражается, в частности, в том, что оппозиция внутри/снаружи заменяется оппозицией дома/снаружи. В свою очередь «снаружи» расшифровывается как лес, поле, вода, гора, места скопления народа (базар, площадь), т. е. как лексемы, имеющие особую семантическую функцию в организации фольклорного пространства. Оппозиция: внутренний / внешний, принадлежащий дому / принадлежащий внешнему миру может быть интерпретирована как оппозиция: принадлежащий культуре / не принадлежащий культуре («неочеловеченный»)»¹⁶.

Другой важной содержательной доминантой дома является его связь с социальной организацией. В этом направлении основное внимание, как правило, уделяется различного рода отражениям структуры семьи в организации домашнего пространства. Уже в самых ранних археологических памятниках прослеживаются следы выделения в жилище мужской и женской части, места хозяина, а иногда и возрастных групп¹⁷. Подобное разделение пространства носит условный характер и коррелирует с принципами организации сакрального пространства (место в центре обладает наибольшей сакральной ценностью; место у выхода — наименьшей; левая сторона считается женской, а правая — мужской, но возможны и инверсии)¹⁸. При этом иерархия мест и половозрастная иерархия совпадают.

Меньшее внимание уделяется, если можно так выразиться, обратной связи: влиянию искусственной среды обитания на структурирование коллектива. Судя по некоторым дан-

ным, оно может оказаться даже более существенным, чем это сейчас представляется. Во всяком случае такие важнейшие характеристики социума, как степень и характер дифференцированности и интегрированности и соответственно проблема таксономических единиц не только самым интимным образом связаны с жилищем, но и во многом им диктуются. В то же время при изучении истории социальной организации важно, по-видимому, принимать в расчет и то обстоятельство, что самое слово «дом» (*domos/*domus) в ряде индоевропейских языков первоначально, видимо, означало не жилое строение, а общественную организацию, семью¹⁹.

Наконец, несколько слов о собственно информационной характеристике дома. С этой точки зрения дом выступал как один из основных источников и трансляторов информации. Он являлся своего рода книгой и вместе с тем активно содействовал формированию представлений об эталонных связях в системе мир—человек, причем речь идет не только о визуальном образе жилища, который сейчас пытается расшифровать археолог или этнограф. Информация передавалась и по другим каналам, как дублировавшим, так и дополнявшим друг друга (ср. рассказы о «виденных» домовых или о возможности их увидеть). Вербальным путем передавалась своеобразная «домашняя» мифология. Существенная часть обязательного корпуса текстов усваивалась и воспроизводилась исключительно во время так называемых «домашних» работ. С домашним пространством было связано выполнение ряда периодических и окказиональных ритуалов, включавших наиболее ценные в ритуальном отношении тексты. Технологическим кодом передавалась не менее важная часть жизненно необходимых знаний, навыков, опыта, как во время выполнения домашних работ, связанных с приготовлением пищи, изготовлением орудий труда, утвари и т. п., так и, наконец, во время строительства жилища.

Здесь указаны далеко не все знаковые функции дома. Феномен жилища включает, например, различную «стилистику» поведения в доме и за его пределами. Уже в самых ранних юридических текстах оговорено отличие в тяжести преступления, совершенного в доме, от аналогичного престу-

пления вне дома²⁰. Можно также указать и на редко учитываемую психотерапевтическую функцию дома. Но и приведенных наблюдений над знаковым восприятием дома в архаическом сознании, по-видимому, достаточно для того, чтобы говорить о более высоком семиотическом статусе дома на ранних этапах его истории.

Вычленение из синкретической системы различных видов человеческой деятельности, их специализация сопровождалась уменьшением роли сакральных представлений и соответственно увеличением удельного веса производственных, инструментальных аспектов этой деятельности, что повлекло за собой существенные изменения в структуре семиотических систем, используемых в обществе²¹. Знаки и знаковые системы в свою очередь стали более специализированными. Граница между «знаками» и «вещами» становится все более отчетливой. Семиотический статус вещей довольно резко снизился к настоящему времени²².

Постепенная утрата символического подтекста традиционного жилища привела к тому, что ко времени появления этнографических классификаций жилище было отнесено к сфере материальной культуры. Это обстоятельство можно было бы игнорировать, если бы оно не вызвало существенных диспропорций в изучении дома, как, впрочем, и других объектов, знаковый характер которых не вполне очевиден. Как совершенно справедливо отметил С. А. Токарев, в работах, посвященных материальной культуре, разрабатывается устойчивый круг сюжетов, затрагивающих в основном те аспекты жилища, которые соотнесены с его материальной сущностью, при этом игнорируется не менее важная «идеология» жилища²³. Между тем, по-видимому, именно сбалансированность утилитарных и символических функций определила ту исключительную роль, которая дает возможность говорить о жилище как о феномене культуры.

4. При рассмотрении жилища в контексте ритуально-мифологической деятельности человека можно говорить о нескольких типах соотношения жилища с обрядами.

Во-первых, жилище и обряд являются конкретными реализациями картины мира. В этом смысле между ними

проявляется и определенное сходство, и различие. Сходство в том, что они (наряду с другими текстами) составляют план выражения картины мира и, таким образом, имеют общий план содержания. Различие же в том, что это содержание воплощается в жилище иными средствами, чем в обряде.

Во-вторых, жилище может быть включено в структуру ритуала двояким образом: как часть пространства, в котором разворачиваются обрядовые действия, и как ритуальный символ (ср., например, образ «чужого дома» в свадебных причитаниях). Особую разновидность представляет собой использование элементов дома в качестве ритуальных атрибутов или символов. В большинстве случаев их можно считать производными от первых двух, поскольку они основаны, как правило, на уподоблении части целому. Подобного рода включения обычны для ритуалов календарного и жизненного циклов.

Наконец, жилище может выступать в качестве основного объекта ритуала. Речь идет об обрядах, сопровождающих строительство жилища. В этом случае обряды можно рассматривать как систему значений, правил, предписаний, реализацией которых будет жилище. Такое соотношение между ритуалом строительства и строящимся жилищем не следует понимать буквально. Ритуал строительства ориентирован не на конкретные детали постройки, а на самые общие признаки дома, на образ дома. Этот образ должен соответствовать тому эталону, который был создан «в начале», в мифологическое время первотворений. Только в таком случае новый дом имеет право на существование. Другими словами, обряд всегда ориентирован на инвариантную, универсальную схему жилища, а не на варианты. Все региональные отличия, особенности планировки, декора и т. п., если можно так выразиться, безразличны ритуалу. Эта особенность обрядов обуславливает их исключительное единообразие, если рассматривать их не в плане выражения (здесь возможны самые разнообразные региональные отличия), а с точки зрения их содержания.

Строительная обрядность (в принятой классификации обрядов) относится к числу окказиональных ритуалов